

Сведения об авторах

Тажидинова Ирина Геннадьевна, кандидат исторических наук, доцент, Кубанский государственный университет, доцент, г. Краснодар, Российская Федерация, 8-962-860-77-77, tajidinova@yandex.ru

About author

Tajhidinova Irina Gennadyevna, PhD in History, associate professor, Kuban State University, assistant professor, Krasnodar, Russian Federation, +7-962-860-77-77, tajidinova@yandex.ru

Сведения о грантах

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ в рамках проекта № 16-21-08001a(m) «Советские судебные процессы над военными преступниками в 1943–1991 гг.: цели, функции и эффекты избирательной медиатизации».

Grant information

This article has been prepared with financial support from the Russian Foundation for Basic Research (science project no. 16-21-08001a(m) ‘Soviet war crimes trials, 1943–1991: Aims, functions and effects of selective mediatisation’).

В редакцию статья поступила 24.07.2017 г., опубликована:

Тажидинова, И. Г. Материалы советской прессы как исторический источник о подготовке Краснодарского процесса 1943 г. // Вестник архивиста. – 2017. – № 4. – С. 124–134.

Submitted 24.07.2017, published:

TAZHIDINOVA, I. G. *Materialy sovetskoi pressy kak istoricheskii istochnik o podgotovke Krasnodarskogo protsessa 1943 g.* [Materials of Soviet press as a source on preparation of the Krasnodar trial in 1943]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2017, no. 4, pp. 124–134.

В. В. Тихонов

Российский государственный гуманитарный университет,
Институт российской истории РАН,
г. Москва, Российская Федерация

Российский государственный архив новейшей истории: документы Отдела науки и культуры ЦК КПСС (март 1953 г. – сентябрь 1955 г.) о контроле над «национальными историями» народов СССР

Vitaliy V. Tikhonov

Russian State University for the Humanities,
Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

The Russian State Archive of Contemporary History: Documents of the Department of Science and Culture of the Central Committee of the CPSU (March 1953 – September 1955) on Control over ‘National Histories’ of the Peoples of the USSR

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению документов Отдела науки и культуры ЦК КПСС, хранящихся в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ) и освещающих механизмы идеологического контроля над «национальными историями» народов СССР. На основе документов РГАНИ разбирается случай с попыткой Д. Т. Казбанова пересмотреть оценку Махача Дахадаева и его роли в революционном движении. Анализируется резонансное выступление первого секретаря ЦК КП Таджикиской ССР Б. Г. Гафурова на объединенной научной сессии, прошедшей 30 января – 6 февраля 1954 г. и посвященной истории советских республик Средней Азии и Казахстана. Записки и отчеты, связанные с серией объединенных научных сессий занимают среди документов фонда отдела за указанный период значительное место. В статье анализируется

документальный комплекс, отражающий процесс организации и проведения объединенной научной сессии, прошедшей в Ташкенте 30 января – 6 февраля 1954 г. Написание «национальных историй» являлось важнейшим элементом в конструировании общей истории народов СССР, которая должна была стать фундаментом для идеологического обоснования политики «дружбы народов», где русские выступали «первыми среди равных». Документы Отдела науки и культуры ЦК КПСС за март 1953 г. – сентябрь 1955 г. показывают «внутреннюю кухню» идеологического контроля над «национальными историями» народов СССР. Контроль не носил ярко выраженного директивного характера, когда центр четко отдает приказы, которые нужно исполнять. Скорее отдел брал на себя функцию контролера и арбитра, а инициатива могла исходить от различных субъектов: конкретных людей, партийных организаций, учреждений и т. д. Рассмотренные документы показывают, что контроль был немного смягчен, а контролирующие органы все больше отказывались от использования таких методов, как «проработки» и публичные кампании.

Abstract

The article studies documents of the Department of Science and Culture of the Central Committee of the CPSU stored in the Russian State Archive of Contemporary History (RGANI), which throw light on the mechanisms of ideological control over 'national history' in the USSR. On the basis of the RGANI documents it investigates how D. T. Kazbanov attempted to reassess Makhach Dakhadaev's role in the revolutionary movement. It assesses the resonant statement of B. G. Gafurov, First Secretary of the Central Committee of the Communist party of the Tajik SSR, voiced on a joint scientific session dedicated to the history of the Soviet republics of Central Asia and Kazakhstan (January 30 – February 6, 1954). According to the American radio, he announced that the Soviet government was to make fighting nationalism its policy, and urged the Kazakh people to 'cement ties with Soviet Russia'. As there was a tacit 'localization policy', the statement was rather dubious. Many could interpret it as a new party line. Moreover, the matter itself was rather dubious, as it went against the chain of authority: ideologically important statements were to come from a Union leader, not a national one. Notes and reports related to series of joint scientific sessions make up an important part of the documents of the period in the department fond. The article examines the documentary complex, which reflects organization and holding of joint scientific sessions in Tashkent from January 30 to February 6, 1954. Writing 'national histories' was an important element in constructing a common history of the peoples of the USSR, on which the ideological justification of the 'friendship of the peoples' policy and of the concept of the Russians as 'the first among the equals' was to be based. Documents of the Department of Science and Culture of the Central

Committee of the CPSU for March 1953 to September 1955 show the inner workings of ideological control over 'national history' of the USSR. The author contends that control was not overly prescriptive, not as if the center issued clear-cut orders to be fulfilled. Rather, the department was a controller and an arbiter, while initiative came from other sources: people, party organizations, institutions, etc. The studied documents show that control was much mitigated and that controlling agencies increasingly refused to use methods of 'tongue-lashing', or other such public campaigns.

Ключевые слова

Архив, источники, Российский государственный архив новейшей истории, Отдел науки и культуры ЦК КПСС, советская историческая наука, «национальные истории», идеология.

Keywords

Archive, sources, Russian State Archive of Contemporary History, Department of Science and Culture of the Central Committee of the CPSU, Soviet historical science, 'national histories', ideology.

Разработка истории народов СССР была заявлена действующей властью в 1930-х – 1940-х гг. как одна из центральных задач советских историков. Партия-государство, руководившая многонациональной страной, где межэтнические отношения в условиях радикальных социальных преобразований приобретали особую остроту, требовала создания таких текстов, которые отвечали бы быстро меняющемуся идеологическому контексту и способствовали межэтнической консолидации. Фактически речь шла о конструировании общей истории народов СССР, которая должна была стать фундаментом для идеологического обоснования политики «дружбы народов», где русские выступали «первыми среди равных». Особенно отчетливо это проявилось после Великой Отечественной войны, когда «великий русский народ» официально стал старшим братом для всех народов Советского Союза. Вероятно, уже тогда в перспективе рассматривалась возможность формирования новой социальной общности – «советского народа». Необходимо подчеркнуть, что создание официальных национальных историй – это своеобразная централизация и унификация исторической памяти, поскольку эти издания должны были задавать стандарт для историков советских республик

в интерпретации их собственной истории. Тем не менее формирование концепций национальных историй не являлось односторонним процессом. Во-первых, несмотря на то что существовал ряд общих стандартов для написания национальных историй, единой жесткой модели не было. Во-вторых, историки из национальных республик часто пользовались поддержкой местной партийной и государственной элиты, которая была заинтересована в выгодном для нее описании истории. Таким образом, вернее говорить не о тотальном навязывании «правильной» версии, а о балансировке интересов, естественно с доминированием взглядов союзного партийного центра.

Первые обобщающие труды по национальным историям были опубликованы в конце 1930-х – первой половине 1940-х гг. Но существенное изменение идеологического вектора привело к серии скандалов, выразившихся в критике «Истории Казахской ССР» (первое издание – 1943 г.) и дискуссии вокруг оценки Шамиля в 1950 г. Многие антирусские восстания, которые еще недавно рассматривались как борьба с царским колониализмом, были объявлены реакционными явлениями. Поэтому в послевоенное время проект создания национальных историй практически был перезапущен. Но завершался он уже не при Сталине, поэтому обобщающие издания концептуально представляли собой смесь из сталинских догм (например, учение о нациях) и принципов начавшейся «оттепели».

Огромную роль в контроле и координации написания национальных историй играл Отдел науки ЦК. Задача предлагаемой статьи заключается в рассмотрении документов, отложившихся в фондах отдела, касающихся процесса написания национальных историй в первые послесталинские годы до XX съезда партии.

В годы войны вопросами истории занималось Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). С 1948 г. оно было преобразовано в Отдел агитации и пропаганды, включавший сектор науки. В 1950 г. отдел был разделен на четыре самостоятельных, среди которых был отдел науки¹. Наконец, 25 марта 1953 г. был сформирован Отдел науки и культуры, включавший в том числе и секторы естественных и технических наук, общественных наук, республиканских наук и филиалов. Новая крупная реорганизация была проведена в марте 1956 г.²

Симптоматично, что время существования Отдела науки и культуры органично вписывается в указанный период, поскольку структура органов идеологического контроля чутко реагировала на изменение векторов внутренней политики и идеологии. В 1953–1955 гг. отделом руководил известный партийный функционер и ученый А. М. Румянцев, снискавший в дальнейшем славу «партийного либерала», поддержавшего многие новаторские для советской науки начинания³.

Документы отдела послесталинской эпохи хранятся в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ) и включены в фонд № 5. В него входит текущая документация отдела. В исторической науке уже отработан подход к изучению делопроизводственной документации органов партий. Замечено, что с видовой точки зрения они мало отличаются от классической делопроизводственной документации. Следовательно, их лучше изучать как комплекс взаимосвязанных документов, образующих системы документации⁴. Исходя из имеющегося массива документов, отдел выполнял разнообразную функцию.

В первую очередь отдел занимался идеологическим контролем. Документация РГАНИ наглядно свидетельствует, что ЦК пристально следил за процессом создания национальных историй. Смерть И. В. Сталина способствовала активизации различных «правдоискателей», стремящихся пересмотреть устоявшиеся догмы. Например, дагестанский историк Д. Т. Казбанов, помимо всего прочего, в своих записках в ЦК КПСС требовал отказаться от положительной оценки деятельности Махача Дахадаева (в его честь Петровск-порт в 1922 г. был переименован в Махачкалу) как революционного деятеля и героя. Совместно с И. Бурановым Д. Т. Казбанов подготовил статью, в которой утверждалось, что Махач не был большевиком и есть документы, изобличающие его в антиреволюционной деятельности⁵. На статью имелся отрицательный отзыв из Института Маркса, Энгельса и Ленина (ИМЭЛ), датированный 23 июля 1951 г. Вообще необходимо отметить, что таких писем и заявлений среди документов отдела немало. Многочисленные конфликты в научных учреждениях национальных республик, облаченные в идеологическую форму, продолжали оставаться объектом пристального внимания со стороны отдела. Но если в сталинское время они, как правило,

быстро превращались в повод для организации очередной кампании или небольшой чистки, а доносы на коллег поощрялись, то теперь им чаще всего не давали ходу и в конкретной ситуации старались действительно разобраться.

Резонансным стало выступление первого секретаря ЦК КП Таджикской ССР Б. Г. Гафурова на объединенной научной сессии, прошедшей 30 января – 6 февраля 1954 г. и посвященной истории советских республик Средней Азии и Казахстана. Американское радио передало, что он якобы заявил, что новым курсом советского правительства станет борьба с национализмом, а также призвал казахский народ к «укреплению связей с Советской Россией»⁶. В ситуации, когда проводилась, пусть и негласная, политика коренизации кадров⁷, такие заявления звучали скандально. Многие могли их воспринять как новую линию партии. Да и сама ситуация, когда важные идеологические заявления исходили не от общесоюзных руководителей, нарушала существовавшую властную иерархию. Помимо этого, необходимо было учитывать непрестые отношения между народами, и как следствие, руководителями советской Азии. Получалось, что таджик Б. Г. Гафуров поучал казахов. Сразу же последовал запрос сотруднику отдела П. В. Волобуеву (будущему директору Института истории СССР и академику), который присутствовал на сессии в качестве «контролера» от ЦК. Он подготовил записку, в которой отрицал достоверность информации в заявлении американского радио⁸.

Вообще необходимо указать, что записки и отчеты, связанные с серией объединенных научных сессий, занимают среди документов фонда отдела за указанный период значительное место. Их организация диктовалась необходимостью решить целую серию спорных вопросов национальных историй народов СССР, естественно под контролем ЦК. В то же время проведение таких сессий свидетельствовало о серьезных переменах по сравнению со сталинской эпохой, когда вопросы решались директивно или при помощи идеологических кампаний. Теперь был возможен некоторый плюрализм. Интересно, что сессии прошли в один год, 1954-й. Такая синхронность еще раз свидетельствует о том, что написание национальных историй носило всесоюзный статус и направлялось (пусть и не целиком) сверху, ЦК.

Типичным документальным комплексом, отражавшим процесс организации и проведения сессий, можно считать материалы, освещающие объединенную научную сессию, прошедшую в Ташкенте 30 января – 6 февраля 1954 г.⁹ Первоначально прошли республиканские сессии во Фрунзе и Алма-Ате. Много споров вызвали макеты обобщающих трудов по национальным историям. Особое внимание было уделено «Истории Казахской ССР», поскольку именно скандал с первым изданием этой книги в 1943 г. стал поворотным моментом в истории создания серии национальных историй народов СССР.

По итогам работы сессий была подготовлена записка директора Института истории АН СССР А. Л. Сидорова, в которой указывалось, что АН Казахской ССР, а также Киргизский филиал АН СССР просят провести объединенную научную сессию историков из Москвы, Ленинграда и Средней Азии. На ней предполагалось обсудить следующие вопросы: «а) о сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии; б) о формировании буржуазных наций в Средней Азии в дооктябрьский период; в) о реакционной сущности пантюркизма; г) о характере восстания 1916 г. в Средней Азии»¹⁰.

После этого последовала записка из отдела ЦК, подписанная А. М. Румянцевым, И. А. Хлябич и А. В. Лихолатом, на имя Н. С. Хрущева с предложением провести объединенную сессию. Более подробная записка была адресована секретарю ЦК КПСС П. Н. Поспелову. В ней описывались накопившиеся проблемы в изучении истории республик советской Азии. Говорилось, что в подготовленных макетах «Очерков по истории Киргизской ССР» и «Истории Казахской ССР» имеются серьезные ошибки. К записке прилагалось «Постановление Президиума АН Казахской ССР. 19 июня 1953 г.», в котором также признавалось необходимым созвать специальную сессию¹¹. Особое место занимают уже упоминавшиеся документы, связанные со скандалом в связи с выступлением Б. Г. Гафурова.

Заключительным документом можно считать отчет о сессии, подготовленный П. В. Волобуевым для П. Н. Поспелова, датированный 18 марта 1954 г. Согласно отчету, намеченные еще А. Л. Сидоровым вопросы стали центральными. По проблеме феодализма у кочевых народов выступил московский историк-

этнограф, лауреат Сталинской премии Л. П. Потапов, который в своем докладе исходил из того, что феодальные отношения и их генезис в кочевых обществах не отличаются принципиально от других, а земля является главным средством производства. В отчете упоминалось, что историки из Казахстана В. Ф. Шахматов и С. И. Толыбеков пытались доказать, что основой феодализма у кочевых народов является собственность не на землю, а на скот. Но эта точка зрения не получила поддержки¹². Важно указать на своеобразную «риторическую стратегию» автора отчета, вполне типичную для документации контролирующей идеологию органов. Идеологически неприемлемая точка зрения (в данном случае – идея о специфике кочевого феодализма, нарушающая не только постулат об универсальности формаций, но и идеологически важный постулат об универсальности исторического развития народов СССР) дискриминируется как не получившая поддержки. Важно и то, что теперь она классифицировалась как «не получившая поддержки», а не как происки врагов.

Много споров вызвал вопрос об образовании узбекской и казахской буржуазных наций. Одни считали, что они сформировались уже до Октябрьской революции, другие – после. В отчете недвусмысленно признавался приемлемым компромиссный вариант: процесс формирования начался еще до революции, но до нее не завершился, т. к. узбеки и казахи не прошли стадию капиталистического развития.

Пожалуй, ключевым с идеологической точки зрения являлся вопрос об оценке Туркестанского восстания 1916 г., поскольку, с одной стороны, это было антирусское восстание, но, с другой, в советском историческом нарративе оно рассматривалось как предвестник революции 1917 г. в Средней и Центральной Азии. На сессии были признаны ошибочными попытки объявить восстание реакционным и антирусским. Было решено считать восстание сложным явлением, в котором переплелись реакционные и прогрессивные силы, но в целом оно носило антиколониальный и прогрессивный характер.

Кроме того, обсуждались вопросы периодизации, а также разоблачался пантюркизм. Неудовлетворительно раскрытой, по мнению П. В. Волобуева, осталась тема «прогрессивного значения присоединения Средней Азии к России». Но самое интерес-

ное заключалось в том, что наблюдатель от ЦК остался недоволен тем, что «вместо научной аргументации некоторые товарищи сбивались на путь талмудистского толкования цитат. Имели место попытки навешивания ярлыков и т. п.»¹³. Конечно, не обошлось без требования «критики и самокритики», но сам факт того, что «цитатная методология» вызывала осуждение, является свидетельством относительного ослабления идеологического контроля. Это подтверждает и впечатление от сессии директора Института истории АН СССР А. Л. Сидорова: «Резолюции никого не прорабатывают, нет ни одного имени, чтобы говорилось, что он ошибался, что он защищает антимарксистскую точку зрения. Мы говорим: в науке наметились две точки зрения на решение этого вопроса, конференция считает более правильным придерживаться такой точки зрения. Считает, что нет никаких директив, не закрыты дороги изучения той или иной позиции. Абсолютно даже намек на это нет в решении. Это я считаю плюсом»¹⁴.

Помимо документов, связанных со среднеазиатской сессией, в документации указанного периода отложились материалы второй объединенной научной сессии по истории народов Прибалтики, прошедшей 24–27 марта 1953 г.¹⁵ Большое внимание уделялось координации подготовки обобщающих историй национальных республик. Под контролем отдела ЦК решались вопросы рецензирования, научных консультаций, совместных обсуждений и т. д.

Документы Отдела науки и культуры ЦК КПСС за март 1953 г. – сентябрь 1955 г. показывают внутреннюю «кухню» идеологического контроля над «национальными историями» народов СССР. Контроль не носил ярко выраженного директивного характера, когда центр четко отдает приказы, которые нужно исполнять. Скорее отдел брал на себя функцию контролера и арбитра, а инициатива могла исходить от различных субъектов: конкретных людей, партийных организаций, учреждений и т. д. В то же время документы фиксируют важный переходный период в создании исторических нарративов советских народов. Рассмотренные документы показывают, что контроль был немного смягчен, а контролирующие органы все больше отказывались от использования таких методов, как «проработки» и публичные кампании.

Примечания

¹ Значительный комплекс документов РГАСПИ, освещающих проблему контроля за написанием национальных историй, опубликован. См.: Советская национальная политика: идеология и практики. 1945–1953. – М.: РОССПЭН, 2013 – 930 с. *Sovetskaya natsional'naya politika: ideologiya i praktiki. 1945–1953* [Soviet national politics: Ideology and practices: 1945–1953. In Russ.]. Moscow, ROSSPEN publ., 2013.

² Отдел науки ЦК КПСС. 1953–1966: Справочник: (Аннотированные описи). – М.: РОССПЭН, 2006. – С. 7–8; *Otdel nauki TsK KPSS. 1953–1966: Spravochnik: (Annotirovannye opisi)* [Science Department of the Central Committee of the CPSU. 1953–1966: A reference book (Annotated series). In Russ.]. Moscow, ROSSPEN publ., 2006, pp. 7–8.

³ См. о нем: *Фирсов, Б. М.* История советской социологии: 1950–1980-е гг.: Очерки. – СПб.: Европейский университет, 2012. – 476 с. FIRSOV, B. M. *Istoriya sovetskoi sotsiologii: 1950–1980-e gg.: Ocherki* [History of the Soviet sociology: 1950s – 1980s: Essays. In Russ.]. St. Petersburg, Evropeiskii universitet publ., 2012, 476 p.

⁴ *Кабанов, В. В.* Источниковедение истории советского общества: Курс лекций. – М.: РГГУ, 1997. – С. 240; KABANOV, V. V. *Istochnikovedenie istorii sovetskogo obshchestva: Kurs lektzii* [Sources studies of the history of Soviet society: Lectures. In Russ.]. Moscow, RGGU publ., 1997, p. 240.

⁵ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 17. Д. 427. Л. 17–53. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii* [Russian State Archive of Contemporary History] (RGANI), fond 5, series 17, file 427, pp. 17–53.

⁶ Там же. Д. 470. Л. 15. Ibid., file 470, p. 15.

⁷ Под коренизацией кадров подразумевалась политика РКП(б)-ВКП(б), ориентированная на подготовку, выдвижение и использование в национальных образованиях кадров из числа представителей титульных национальностей для работы в государственных, общественных и хозяйственных органах.

⁸ Там же. Л. 16–17. Ibid., pp. 16–17.

⁹ Официальные материалы сессии опубликованы, см.: Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. – Ташкент: АН СССР, 1955. – 591 с. *Materialy nauchnoi sessii, posvyashhennoi istorii Srednei Azii i Kazakhstana v dooktyabr'skii period* [Materials of the scientific session on the history of Central Asia and Kazakhstan in the pre-revolutionary period. In Russ.]. Tashkent, AN SSSR publ., 1955.

¹⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 427. Л. 58. RGANI, fond 5, series 17, file 427, p. 58.

¹¹ Там же. Л. 68–70. Ibid., pp. 68–70.

¹² Там же. Д. 470. Л. 57. Ibid., file 470, p. 57.

¹³ Там же. Л. 61. Ibid., p. 61.

¹⁴ Архив Российской академии наук. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 323. Л. 49. *Arkhiv Rossiiskoi akademii nauk* [Archive of the Russian Academy of Sciences], fond 1577, series 2, file 323, p. 49.

¹⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 7. RGANI, fond 5, series 17, file 7.

Список литературы

Кабанов, В. В. Источниковедение истории советского общества: Курс лекций. – М.: РГГУ, 1997. – 388 с.

Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. – Ташкент: АН СССР, 1955. – 591 с.

Отдел науки ЦК КПСС. 1953–1966: Справочник: (Аннотированные описи). – М.: РОССПЭН, 2006. – 400 с.

Советская национальная политика: идеология и практики. 1945–1953. – М.: РОССПЭН, 2013. – 950 с.

Фирсов, Б. М. История советской социологии: 1950–1980-е гг.: Очерки. – СПб.: Европейский университет, 2012. – 476 с.

References

KABANOV, V. V. *Istochnikovedenie istorii sovetskogo obshchestva: Kurs lektzii* [Sources studies of the history of Soviet society: Lectures. In Russ.]. Moscow, RGGU publ., 1997, 388 p.

Materialy nauchnoi sessii, posvyashhennoi istorii Srednei Azii i Kazakhstana v dooktyabr'skii period [Materials of the scientific session on the history of Central Asia and Kazakhstan in the pre-revolutionary period. In Russ.]. Tashkent, AN SSSR publ., 1955, 591 p.

Otdel nauki TsK KPSS. 1953–1966: Spravochnik: (Annotirovannye opisi) [Science Department of the Central Committee of the CPSU. 1953–1966: A reference book (Annotated series). In Russ.]. Moscow, ROSSPEN publ., 2006, 400 p.

Sovetskaya natsional'naya politika: ideologiya i praktiki. 1945–1953 [Soviet national politics: Ideology and practices: 1945–1953. In Russ.]. Moscow, ROSSPEN publ., 2013, 950 p.

FIRSOV, B. M. *Istoriya sovetskoi sotsiologii: 1950–1980-e gg.: Ocherki* [History of the Soviet sociology: 1950s – 1980s: Essays. In Russ.]. St. Petersburg, Evropeiskii universitet publ., 2012, 476 p.

Сведения об авторах

Тихонов Виталий Витальевич, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, историко-архивный институт, кафедра источниковедения, доцент, Институт российской истории РАН, ведущий научный сотрудник, г. Москва, Российская Федерация, 8-905-515-25-23, tihonovvitaliy@list.ru

About author

Tikhonov Vitaliy Vitalievich, PhD in History, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, leading researcher, Russian State University for the Humanities, History and Archives Institute, assistant professor, Moscow, Russian Federation +7-905-515-25-23, tihonovvitaliy@list.ru

Сведения о грантах

Работа подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 15-31-01257 (а2).

Grant information

This article has been prepared with financial support from the Russian Foundation for Basic Research, science project no. 15-31-01257 (a2).

В редакцию статья поступила 11.03.2017 г., опубликована:

Тихонов, В. В. Российский государственный архив новейшей истории: документы Отдела науки и культуры ЦК КПСС (март 1953 г. – сентябрь 1955 г.) о контроле над «национальными историями» народов СССР // Вестник архивиста. – 2017. – № 4. – С. 135–146.

Submitted 11.03.2017, published:

TIKHONOV, V. V. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii: dokumenty Otdela nauki i kul'tury TsK KPSS (mart 1953 g. – sentyabr' 1955 g.) o kontrole nad 'natsional'nymi istoriyami' narodov SSSR* [Russian State Archives of Contemporary History: Documents of the Department of Science and Culture of the Central Committee of the CPSU (March 1953 – September 1955) on control over 'national histories' of the peoples of the USSR. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2017, no. 4, pp. 135–146.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Historical Research

УДК 94(47).047+929.651 DOI 10.28995/2073-0101-2017-4-147-158

Е. В. Пчелов

Российский государственный гуманитарный университет,
г. Москва, Российская Федерация

Государственная печать Алексея Михайловича 1667 г.: к 350-летию герба Московского царства

Evgeniy V. Pchelov

Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russian Federation

Great Seal of Tsar Alexey Mikhailovich (1667): 350th Anniversary of the Coat of Arms of the Tsardom of Muscovy

Аннотация

В статье анализируется государственная печать Московского царства 1667 г., изображение на которой впервые в истории России именуется гербом. Создание нового герба было обусловлено окончанием войны с Речью Посполитой и заключением Андрусовского перемирия. Уже в ходе войны царский титул изменялся, приобретая новые дополнительные элементы. Так, в титуле нашло отражение присоединение новых земель, прежде всего «Малой» и «Белой» России. Однако заключительная часть титула, обозначающая широкий масштаб власти Московского царя, восходила еще к концу XVI века и была связана в том числе с пониманием территориальных приобретений в качестве возвращения исторического наследия. Герб 1667 г. начал формироваться практически сразу же после решения Переяславской Рады 1654 г., однако законченный вид он приобрел после окончания войны. Именно царский титул определил структуру и интерпретацию герба. Геральдическая композиция носила цельный